

О.И. Уткевич

Философия укорененности

На переломных этапах исторического развития каждый народ стремится не просто осмыслить свое бытие, но найти его глубинные метафизические основания, то есть найти онтологические корни этого бытия. В настоящее время белорусский народ как раз и находится в состоянии поиска, обретения не только мировоззрения, адекватного современному этапу своей истории, но и чего-то более важного, первичного, что можно назвать «укорененностью». Данная статья и посвящена философскому осмыслению феномена укорененности. Речь пойдет о категории, которую впервые ввел в науку немецкий философ М. Хайдеггер в работе «Бытие и время» («Sein und Zeit»).

Проблема глубинной метафизической укорененности как отдельного человека, так и всего народа отражена в трудах многих великих мыслителей. В зависимости от исходных теоретических принципов, на которых основываются авторы, можно выделить два основных варианта решения данной проблемы. Согласно первому, человек видится укорененным в свое земное бытие: из земли растут его корни, идут животворящие соки, с помощью которых он тянется ввысь, в область духовного бытия. Противоположное понимание сути человеческого бытия основано на уверенности в том, что человек изначально принадлежит неземному, трансцендентному миру (христиане называют этот мир небесным, горним) и лишь оттуда нити бытия связывают его с землей. Данная концепция не обязательно носит религиозный характер, однако именно в рамках религиозной философии она получила наибольшее распространение.

При всей кажущейся на первый взгляд несовместимости этих точек зрения, на самом деле между ними есть очень много общего. Во-первых, они построены на идее существования определенного ядра – центра, вокруг которого вращается вся человеческая жизнь. Человек может на некоторое время удаляться от него (как духовно, так и физически), но ему не дано полностью избавиться от притяжения этого ядра, по крайней мере, до тех пор, пока он остается Человеком, а не калькулирующей машиной или дегустатором рекламируемой продукции. Такое притяжение экзистенциально ощущается им как самое главное условие его существования.

Отметим, что кровную, глубинную взаимосвязь с этим центром люди могут чувствовать как в том случае, когда считают своим подлинным отечеством родную землю предков, так и тогда, когда земля для них – лишь место временных странствий, а подлинное отечество – на небесах. Причем во втором случае человек, укорененный в горнее, может также ощущать неодолимость притяжения земного. Есть что-то общее в этих двух, казалось бы, взаимоисключающих друг друга устремлениях. Эту общность изумительно тонко отразил в следующих строках современный православный поэт иеромонах Роман (Александр Матюшин):

Цвет голубой и цвет зеленый,
Что боле радости виной?
Иль тот небесный, отдаленный,
Иль этот близкий нам, земной?

Я разрывался в раздвоеньи,
В непостоянстве, как во зле,
Искал порою утешенье
То в небесах, то на земле.

Цвета, любимые доселе,
Причина тишины и бурь, –
Жизнеликующая зелень
И духоносная лазурь.

Душе! Едино на потребу!
Мимоходящим отболей!
...И снова радуемся небу,
Не забывая о земле.

В целом же можно считать, что подлинная укорененность всегда носит интегративный характер: человек дуалистичен, в нем проявляется стремление объединить в новую реальность физическую и метафизическую стороны своего бытия.

Во-вторых, в рамках обеих концепций укорененность понимается как некая пограничная онтологичность человеческого существования. Вот почему конкретные, отдельные феномены этого бытия так трудно поддаются философскому определению. Дело в том, что определить – это не только выразить нечто через иное, но и определить, то есть поставить границы, предел его существования. А человек по своей природе характеризуется именно стремлением к преодолению границ. Он ставит перед собой те самые вечные вопросы, на которые можно найти полноценные ответы, только совершив предельный переход от привычного, обыденного мышления в мир трансцендентных истин. Соответственно, он совершает конкретные действия, обусловленные пограничностью своего логоса.

Таким образом, сущность онтологической пограничности человека заключена в единстве его бытия, мышления и деятельности. Кроме того, пограничность – это результат взаимосвязи человека, природы и истории. Человек как бы обретает подземные корни, соединяющие его со всеобщим бытием, которые настолько многогранны и разноуровневые, что даже тогда, когда он копает колодезь, рубит дрова или пашет в поле, то никогда не живет только в феноменологической ипостаси, ему необходимо, как и героям великого русского писателя Ф.М. Достоевского, «вопрос разрешить».

Особо подчеркнем, что отмеченное нами единство – это не эклектическое соединение различных феноменов, а именно *органическая общность, проявляющаяся в одновременном существовании человеческой жизни по обе стороны границы*. Анализ данной общности методологически плодотворен: он дает возможность адекватно понять саму сущность глубинных процессов, происходящих во всех сферах человеческого бытия.

Принадлежность человека к различным сферам бытия изначально детерминирована его природой. В результате человек строит свою земную жизнь таким образом, что граница между этими сферами для него становится подвижной, она постоянно изменяется, а тем самым предстает перед ним иной, новой. Благодаря этому на всем протяжении жизни человек постоянно ощущает внутреннее напряжение, которое выражается в стремлении расширить ареал своего существования. Соответственно, граница, оставаясь преградой, одновременно становится способом соединения в единое целое различных сфер бытия.

Отметим, что исключительная внутренняя напряженность и многообразие человеческой жизни во многом обусловлены как раз подвижностью онтологи-

ческой границы его бытия. Обратим внимание на то, что эта граница не аморфно-расплывчатая, а именно подвижная, что позволяет индивиду использовать не узкую пограничную переходную область, а, по существу, обе пограничные сферы в их органическом единстве. Такое единство представляет собой не синтез, результатом которого является рождение нового личностного бытия, и не эклектическое объединение разнородных сущностей – это, скорее, тот онтологический феномен, при котором различные сферы бытия существуют в человеке (а, соответственно, и человек в них) нераздельно, но и не слиянно. Данная пограничность бытия позволяет рассматривать отдельного человека именно как индивида, однако существующего не в качестве изолированной, «атомарной» единицы жизни, а в определенном универсальном хронотопе. Конечно, человек – это не просто представитель человеческого типа и не частица социума, но благодаря своей онтологической пограничности он чувствует «смертную» взаимосвязь со всем бытием в целом.

Само бытие дано человеку в качестве многомерного пространственно-временного континуума. Важно понимать, что для отдельного человека подлинность такого бытия обретается не везде, а лишь в особой точке, на том маленьком участке родной земли, где человека ждет сама жизнь в ее полноте, где он нужен этой жизни, где в наибольшей степени необходим его труд, его знания. Именно к этой точке в наибольшей степени привязано человеческое сердце. «Понеже от прирождения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птицы, летающия по въздуху, ведают гнезда своя; рыбы, плавающия по морю и в реках, чуют виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих, – писал белорусский первопечатник Ф. Скорина, – тако ж и люди, игде зродилися и ускормлены суть по Бозе, к тому месту великую ласку имають» [1].

Человеческая жизнь, рассмотренная в рамках философии экзистенциализма, представляет собой реку, в которую погружены не только отдельные люди, но и целые народы. Река жизни – это внешняя сила, она, безусловно, не враждебна по отношению к людям и не безразлична к ним. Однако она подчиняется определенным законам: ее поток неоднороден, наряду с водоротами в ней существуют и участки с тихим плавным течением. Вот почему она может быть как смертельно опасной для плывущих по ней, смывая, унося в небытие даже огромные государства, так и жизнеутверждающей: если люди попадают в спокойное русло, то на поверхности удержаться им легко. Конечно, постоянство течения для отдельного человека дано не в качестве изначальной реальности, оно должно быть обретено им. Последнее возможно лишь на стыке «берега» и «реки», на той самой пограничной линии, где человек, укорененный в родную землю (неподвижный берег), не плывет по жизни, а качаясь на ее волнах, остается в той самой единственной точке бытия, в которой он может обрести подлинность своего существования.

Таким образом, основой земного укоренения является нахождение константной точки, то есть «стояние на земле». Изначально «стоять на земле» для человека означает не что иное, как постоянно находиться на том участке земли, где произошло рождение его «я». Находиться в данный момент времени и не покидать эту землю никогда. Даже по воле обстоятельств временами отлучаясь от нее, человек все равно должен находиться на ней, постоянно чувствуя ее притяжение. Кроме того, «стоять» – это еще и отстаивать, защищать родную землю. Защищать не только во время войны, но и в мирное время. Например, не позволять цивилизованным дикарям скупать ее для строительства различных увеселительных заведений. В таких условиях выстоять – означает не продавать землю, даже в том случае, когда нет ни сил, ни средств ее обрабатывать, ибо в противном случае народ лишится собственных корней и потеряет место среди других народов, а значит – самого се-

бя. Следовательно, стояние и становится тем главным служением земле, которое порождает подлинность человеческого бытия. Служение же земле, в свою очередь, является для землевладельца (особенно крупного) главной формой служения своему народу. Земля предков – это не просто почва, а надел, который человек обязан передать своим потомкам. Через этот надел человек обретает историческую полноту своего бытия, неразрывную связь с теми, кто жил до него и будет жить после. Таким образом, в земле находятся не только пространственные, но и, если можно так сказать, хронологические корни человека. Укорененность в землю – это своеобразное «врастание» человека через материальную субстанцию в идеальный пространственно-временной континуум.

Отметим, что именно в состоянии такой укорененности человек в наибольшей степени обладает способностью возделывать землю. В противном же случае труд становится для него тягостной обузой. О великом моральном значении труда на земле писали различные мыслители, однако немногие из них сумели показать, что этот труд порождает человеческую мысль: не обычную практическую крестьянскую смекалку, а именно осмысление всей глубины человеческой жизни. На такую глубинную взаимосвязь бытия и мышления указывал немецкий философ М. Хайдеггер, полагавший, что человеческий труд не только оплодотворяет землю, но и способствует рождению мысли. Сущностная аналогия между генезисом мысли и крестьянским трудом была для него очевидна. Осмысляющее мышление (по Хайдеггеру, именно оно является самым подлинным) не появляется само по себе, для него необходимы определенные условия. «Оно, – считал философ, – требует более длительного упражнения. Для него нужна еще более чуткая забота, чем для любого другого настоящего ремесла. А еще оно должно уметь ждать, как ждет крестьянин, взойдет ли семя, даст ли урожай» [2].

Философия укорененности, на наш взгляд, – это философия поступательного движения от частного к общему, философия постепенного расширения онтологической сферы укоренения человека. Взаимосвязь отдельного индивида с родной землей становится основой социальной структуры всего общества. Аналогично тому, как у древнегерманских племен наследственный «одадь» помогал объединять кровных родственников в большую семью, так и в настоящее время земля предков соединяет в единое целое весь народ, что, в свою очередь, порождает у людей реально зримые представления о существовании некоего «общественного организма». Конечно, некоторые ученые выступают против такого понимания общества. Однако, на наш взгляд, данная точка зрения методологически неплодотворна. По крайней мере, народ как наиболее устойчивое человеческое сообщество необходимо воспринимать именно в качестве реально существующего живого организма. Конечно, такой социальный феномен может возникнуть лишь благодаря укорененности отдельных индивидов, образующих национальную целостность. Дело в том, что земля предков, благодаря стоянию на ней, обладает онтологическим свойством порождать не только растения и животных. Главный плод ее – люди, объединенные в единое целое родиной, следовательно, весь народ, а не просто отдельные индивиды. А то, что рождается из земли и питается ее соками, не может быть мертвым, это всегда живой организм. Подобное восприятие народа как неразрывного, кровного внутреннего единства («кровное» в данном случае означает то, что в жилах народа течет общая кровь земли) – не красочная метафора, не религиозная мистика, а именно физически ощущаемая реальность, на которой всегда основывалось мировоззрение писателей-«почвенников».

Известно, что любой организм состоит из частей, выполняющих различные функции. Для человеческого сообщества, образующего определенный народ,

особенно важно, чтобы эти функции были социально иерархизированы. Можно смело утверждать, что через все философское творчество красной нитью проходит идея необходимости социальной иерархии, причем не линейного, а радиального типа, что предполагает наличие некоего центра человеческого бытия. Родная земля и является одним из таких центров, и чем сильнее человек укоренен в нее, тем ближе он к сердцу общественного организма, а соответственно, занимает более высокое место в его социальной структуре. Конечно, каждый в отдельности и все вместе люди существуют не только в социальных, но и различных других целеопределениях. Так, например, они созерцают природу, тайно любят, задумываются над скрытым смыслом того, что происходит вокруг, а следовательно, социальное бытие всегда в их жизни соединяется с экзистенциальными мотивами, что возможно именно благодаря онтологической пограничности бытия. Кроме того, отдельный человек *для самого себя* раскрывает себя *самого* в первую очередь не через прямое внешне-направленное действие, а с помощью внутреннего монолога-рефлексии над потоком собственных внутренних ощущений, открывая возможность языкового прорыва в глубину чистого человеческого духа. В результате этого прорыва люди начинают чувствовать себя тем самым эпицентром, к которому сходятся итоги различных событий многовековой человеческой истории. Они стали понимать, что духовный мир для них и в них – это результат не личной деятельности, и даже не только социальных и природных процессов, но в первую очередь неких трансцендентных (сверхприродных, сверхсоциальных) сил, существующих по обе стороны человеческого бытия.

Такое коренное изменение в сознании приводит к онтологически сущностному преобразованию человека. Он обретает функциональность, являющуюся важнейшим системообразующим элементом бытия. Может показаться, что в данном случае происходит потеря онтологической полноты. Человеческая жизнь как бы исчерпывает себя в качестве самое себя и переходит в совершенно иное качество телеологически функциональной действительности, содержащей функциональность как первичное свойство человеческого бытия. На самом же деле онтологичность не исчезает, а переходит в качественно иное состояние.

Отметим, что с онтологической пограничностью тесно связана и такая черта человеческого бытия, как мифологичность, и это далеко не случайно, ибо миф пограничен по самой своей сути. Именно пограничность порождает феномен интегративности мифов. Дело в том, что миф, по мнению русского философа А.Ф. Лосева «объединяет вещи в каком-то новом плане, лишая их присущей им естественной раздельности» [3]. Особенно важно то, что с помощью мифологии находится «какая-то общая точка схождения этих вещей, какой-то общий и единый взгляд на них, в котором моментально потухает их естественная непримиримость, и они вдруг оказываются сразу объединенными и примиренными» [3]. Несомненно, миф обладает своей онтологической пограничностью, и в этом плане он аналогичен человеческому бытию. Вот почему можно считать, что одна из основ бытия человека – универсально мифологическая, но из нее вырастает иная конкретная, национально-историческая реальность.

Мифология каждого народа носит глубоко национальный характер. Но наряду с этим существует и единая основа мифологии. Немецкий философ Ф.В.Й. Шеллинг отмечал, что «мифология есть необходимый (совершающийся в сознании) теогонический процесс» [4], то есть становление образа единого Бога в человеческом сознании. Соответственно, каждый конкретный миф объективно носит органический характер, но именно такая его локальность является исходным условием для будущей универсальности интерпретаций.

Мифология не статична, она динамична в направлении обретения полноты Истины, что позволяет увидеть народный характер в становлении, в движении, в восхождении от единичного до всечеловеческого типа. Подобно тому, как неполна, несовершенна мифология отдельных народов, также далеки от всечеловечества сами эти народы.

Пограничность бытия позволяет преодолеть то противоречие между обществом и отдельной личностью, о котором писал в своих публицистических произведениях белорусский поэт М. Богданович [5]. Она также помогает человеку достигнуть той универсальности, всеобщности, которая порождает единство индивидуально-национально-социального микро- и всеобщего макрокосмосов. Там, где речь идет о родине, всегда творится универсальный образ человеческой судьбы. И наоборот, национальный характер человека раскрывается через всеобщность. В результате этого конкретно-историческое, детализованное приметам времени и места бытие превращается в огромный универсум, в образ вечности. Противоречивость такого превращения носит диалектический характер. Она «снимается» благодаря феномену пограничной онтологичности. Постепенно разворачиваясь, пространство жизни начинает обретать черты всеобщности, а отдельное бытие приближается к имманентно априорным структурам человеческого существования.

В заключение отметим, что подлинное укорененное бытие отдельного индивида должно базироваться на осмыслении тех сущностных черт своего народа, которые имеют не узконациональное, а всечеловеческое значение. Следовательно, необходимо найти исходный элемент единства всех людей, позволяющий народам создать органическую целостность человечества, а не быть конгломератом разрозненных частей. Каждый народ – носитель той всеобщности, но человеческая универсальность в каждом народе проявляется по-разному, только одному ему свойственным способом, а соответственно, народ в своем конкретно-социальном бытии является носителем, а в некоторой степени и творцом исходного для всего человечества начала.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Скарына, В.** Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / Ф. Скарына. – Мінск, 1990. – С. 45.
2. **Хайдеггер, М.** Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. – М., 1991. – С. 104.
3. **Лосев, А.Ф.** Проблемы символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – М., 1996. – С. 453.
4. **Шеллинг, Ф.В.Й.** Введение в философию мифологии / Ф.В.Й. Шеллинг // Соч. в 2-х т. – М., 1989. – Т. 2. – С. 107.
5. **Багдановіч, М.** Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск, 2001. – Т. 3. – С. 62–163.

S U M M A R Y

The article deals with the research of human's rootness phenomenon. Analyzing the main approaches to philosophical understanding of the given phenomenon, the author states that rootness is a specific «growing» of a man into the ideal space-time continuum through a material substance.

Поступила в редакцию 23.05.2007